

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК МИХАЙЛОВСКИЙ VI НА ЮГЕ КУЛУНДЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ШАТРОВЫМИ ДЕРЕВЯННЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ ПОД НАСЫПЬЮ

Археологам, изучающим погребальные памятники раннего железного века, в степной зоне Западной Сибири приходится очень трудно. Связано это с тем, что большинство захоронений, находящихся под величественными курганными насыпями — древними архитектурными памятниками степей, практически полностью разграблено. Грабили могилы как современники тех людей, которые были в них погребены, так и в более позднее время. Особенно активно разрушались древние погребения в XVIII—XIX вв. русскими старателями — «бугровщиками». Захоронения под наиболее крупными насыпями были ограблены не один раз. Иногда насчитывается до пяти-шести грабительских раскопов в одном кургане. В результате археологам при изучении таких захоронений из погребального инвентаря достаются лишь крохи, которые не взяли или не заметили грабители. Очень часто в таких могилах исследователи вообще ничего не находят кроме разрозненных человеческих костей. Но для археолога предметы, обнаруженные в погребениях, не являются основной целью. Для нас очень важно проследить, как было сооружено погребение, по какому обряду был захоронен умерший, каким образом был насыпан курган. Эти данные зачастую дают гораздо больше информации, чем предметы, обнаруженные в могилах. Как раз примером такого памятника, где конструкция практически полностью ограбленных погребальных сооружений натолкнула археологов на очень интересные предположения, является крупный курганный могильник Михайловский VI.

В 1988 году Кулундинская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета и Барнаульского педагогического университета полностью раскопала курганный могильник Михайловский VI в окрестностях р.п. Михайловское. Памятник находился недалеко от границы степи и ленточного бора. Курганы располагались на поле, за исключением одного, находившегося в лесополосе, и попадали в зону планировавшегося мелиоративного строительства. Могильник был выявлен П.И. Навротским в 1985 г. и обследован А.Б. Шамшиным в 1987 г. В 1988 г. раскопаны все семь курганов памятника. Опубликована вначале краткая информация о проведенных работах (Шамшин А.Б., Навротский П.И., Изоткин С.Л., 1989), а затем полностью материалы этого памятника (Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И., 1992).

Могильник состоял из семи распаханных курганов диаметром от 16 до 30 м и высотой 0,3–0,6 м, два из которых оказались неграбленными. Диаметр кургана № 1 достигал 50 м, высота 2 м. Пять курганов располагались цепочкой по линии север–юг. Во всех курганах, кроме кургана № 1, обнаружено по одной могиле (на глубине от 2,4 до 4 м от уровня насыпи). Для погребального обряда характерно наличие в могилах бревенчатых накатов (до восьми), труположение на спине вытянуто, ориентация погребенных по линии запад–восток с отклонением к северу и югу, головой на запад. В большинстве могил сохранились следы охристой подсыпки.

При раскопках курганов найдены один целый сосуд (рис. 2–1) и фрагменты еще нескольких, две каменные курильницы (рис. 2–2,3), одна из которых имеет ножки, оселок (каменный точильный брусок) со сквозным отверстием (рис. 1–7), бронзовые подвеска–костылек (рис. 1–6) и трехлопастной черешковый наконечник стрелы (рис. 1–5), четыре костяных наконечника стрел (рис. 1–1–4), две бронзовые серьги с несомкнутыми концами, покрытые золотым листом (рис. 1–10), золотые и пастовые бусы и нашивки (рис. 1–9). Наибольший интерес представляет уникальная золотая головка дракона, служившая навершием железной гривны, либо фибулы (рис. 1–8). Встречены обломки железных изделий плохой сохранности, в том числе железная проколка (рис. 2–4).

Памятники раннего железного века на юге Кулунды на сегодняшний день еще слабо изучены. Крупные работы проводились лишь на трех из них: Ключи III, Нижний Кучук I и Михайловский VI (Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И., 1992; Шамшин А.Б., Язовская А.Н., 1998; Телегин А.Н., 1995; Он же, 1996; Он же, 1997). Все эти некрополи существенно отличаются от могильников каменной культуры, расположенных в Верхнем Приобье и в северной и восточной частях Кулунды. Если погребения из памятников Ключи III, Нижний Кучук I обнаруживают сходство с захоронениями, оставленными ранними саками Восточного Казахстана и Приаралья (Шамшин А.Б., Язовская А.Н., 1998; Телегин А.Н., 1995; Он же, 1996; Он же, 1997), то погребальный обряд могильника Михайловский VI демонстрирует ряд особенностей, находящихся параллели в других регионах скифо–сибирского мира.

Это, прежде всего, деревянные конструкции под насыпями курганов 1 и 2 могильника. В кургане №1 реконструируется довольно сложное деревянное сооружение. На кольцевой валик, сформированный вокруг центральной могильной ямы из вынутого из нее материкового заполнения, радиально (концами к центру) были уложены бревна в один ряд. Одним концом бревна над центром могилы упирались друг в друга и были приподняты на 1,5–2 м над уровнем древней дневной поверхности, а другим лежали на грунте. Конструкция, таким образом, представляла собой низкое шатровое пере-

крытие высотой около 2 м или платформу над центральной могилой в кургане (рис. 3). Сверху на это сооружение, вероятно, был положен слой соснового лапника. Так же на площадке предназначавшейся под насыпь, по всей видимости, был сооружен еще какой-то объект прямоугольной формы, основу которого составляли четыре вкопанных вертикально столбика. Возможно, сверху эта небольшая конструкция была так же покрыта слоем лапника. После этого деревянные сооружения были подождены с нескольких сторон. И лишь затем над частично сгоревшими деревянными конструкциями была возведена земляная насыпь. Не исключено, что и в кургане 2 существовала похожая (шатровидная) вымостка из бревен, только короткие обрубки их были положены перпендикулярно радиусу кургана.

Бликие шатровые сооружения обнаружены под насыпями элитных курганов на широких пространствах Евразийских степей, начиная от Северного Причерноморья и заканчивая степями Северного Казахстана и лесостепной части Западной Сибири западнее Кулунды (Ковпаненко Г.Т., 1984, с. 113; Корякова Л.Н., 1977, с. 138; Генинг В.Ф., 1993, с. 72–101; Пшеничнюк А.Х., 1983, с. 44, рис. 12; Кадырбаев М.К., 1984, с. 85–86; Матвеева Н.П., 1993, с. 35, 135, рис. 18–2; Она же, 1994, с. 25–26, 114, рис. 12). Шатровые выкладки из бревен, найденные в могильнике Михайловский VI, являются на сегодняшний день самыми восточными памятниками подобного типа. Они маркируют связи населения скифской эпохи Кулунды с их западными соседями. Большинство подобных курганов датируется VI–V вв. до н.э., реже V–IV вв. до н.э. (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, с. 65–66; Хабдулина М.Х., 1994, табл. 13 и т.д.).

Н.П. Матвеева определяет хронологические рамки их сооружения более широко: V–III вв. до н.э. или даже III–I вв. до н.э. (Матвеева Н.П., 1993, с. 153–154; Она же, 1994, с. 44). Настолько поздно датирующиеся курганы с бревенчатыми конструкциями под насыпью встречены только среди памятников саргатской культуры. И большинство из них очень трудно датировать из-за сильной разграбленности центральных могил, находящихся под «шатрами». Не исключено, что некоторые центральные погребения являются более древними, чем боковые, по материалам которых и проводилась датировка. Периферийные захоронения могли быть впущены в насыпь и через два-три века после возведения кургана. Конечно, традиция помещения под насыпь бревенчатых конструкций могла сохраниться у саргатских племен и в более позднее время. Но, как отмечает и сама Н.П. Матвеева, — это, несомненно, архаичная черта (Матвеева Н.П., 1994, с. 44). Курганы 1 и 2 в могильнике Михайловский VI представляют собой классические образцы некрополей с шатровыми деревянными сооружениями, распространенными в VI–IV вв. до н.э. По-видимому, этим временем и следует датировать их строительство.

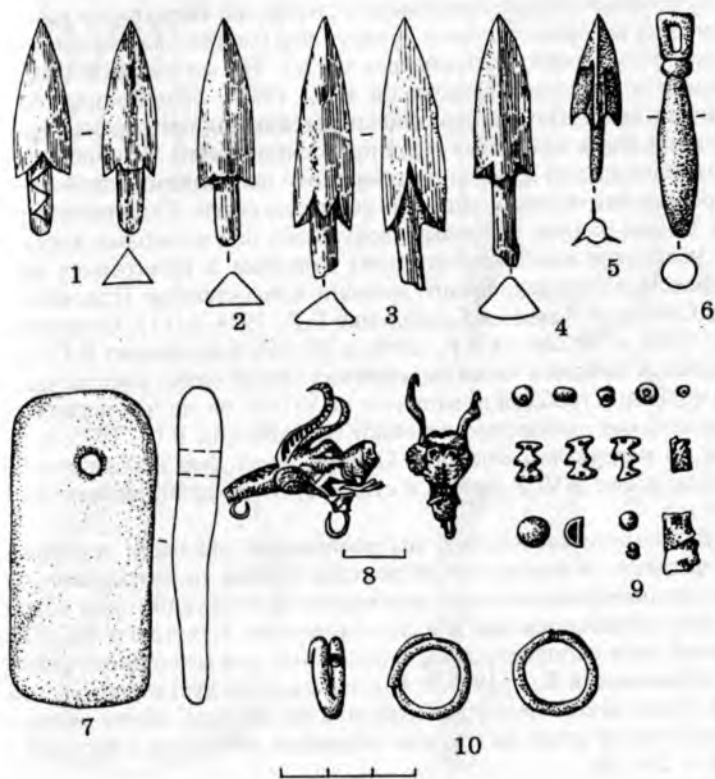

Рис. 1. Инвентарь могильника Михайловский VI. 1-4 — курган 3;
 5-7 — курган 5; 8-9 — курган 1, мог. 2; 10 — курган 4.
 1-4 — кость; 5-6 — бронза; 7 — камень; 8-10 — золото.

Появление традиции сооружения низких шатровых вымоеток на кольцевом вале вокруг центрального погребения трудно связать с какой-то определенной археологической культурой. Все исследователи, изучавшие их, рассматривают курганы такого типа как органичное явление погребального обряда той или иной культуры скифского времени севера Евразийских степей, на территории распространения которых они были обнаружены (саргатская, гороховская, савроматская, раннепрохоровская и т.д.). По всей видимости, это явление эпохальное (Ольховский В.С., 1995, с. 93). Распространилось оно, возможно, по Евразийским степям как престижная традиция возведения элитарных курганов военной знати. В хронологическом плане можно проследить тенденцию продвижения этой детали погребального обряда с запада на восток по северу Евразийских степей. Самые ранние шатровые сооружения под насыпями курганов (но несколько иной конструкции) известны в памятниках предскифского и раннескифского времени в лесостепном Поднепровье и на Северном Кавказе (Ковпаненко Г.Т., 1984, с. 113; Ольховский В.С., 1995, с. 93; Эрлих В.Р., 1994, с. 28–29). Как считает В.С. Ольховский, в западной части евразийских степей «пик» распространения подобных гробниц приходится на VII–VI вв. до н.э. и уже к пятому веку они полностью исчезают (Ольховский В.С., 1995, с. 93). Судя по материалам Западной Сибири, здесь они появляются несколько позже, в VI в. до н.э., и существуют, по крайней мере, до IV в. до н.э.

В большинстве случаев шатрообразные обкладки полностью или частично сожжены или обожжены. Сейчас трудно сказать, для чего предназначались такие деревянные конструкции: для сожжения над погребением или для его сохранения. Как пишет В.С. Ольховский, они использовались, в основном, для медленного сожжения (Ольховский В.С., 1995, с. 93). Но здесь следует отметить, что в ряде регионов есть несколько курганов такого типа, где не зафиксировано следов огня, на что уже обращали внимание (Эрлих В.Р., 1994, с. 28–29).

В.С. Ольховский также рассматривает появление различных шатровидных сооружений под насыпью курганов в связи с древней индоевропейской традицией (погребальные костры) и считает, что наличие подобных конструкций на той или иной территории маркирует пребывание там населения индоиранского по языку или по идеологическим представлениям (Ольховский В.С., 1995, с. 93).

Подтверждают наши предположения по хронологии и направлениям связей с сопредельными территориями населения, оставившего могильник Михайловский VI, и некоторые предметы из ряда курганов. Это, прежде всего, наверхие гривны из погребения 2 кургана 1, которое может относиться к V–IV вв. до н.э. (см. статью в этом сборнике). В VI–IV вв. до н.э. бытовал бронзовый черешковый

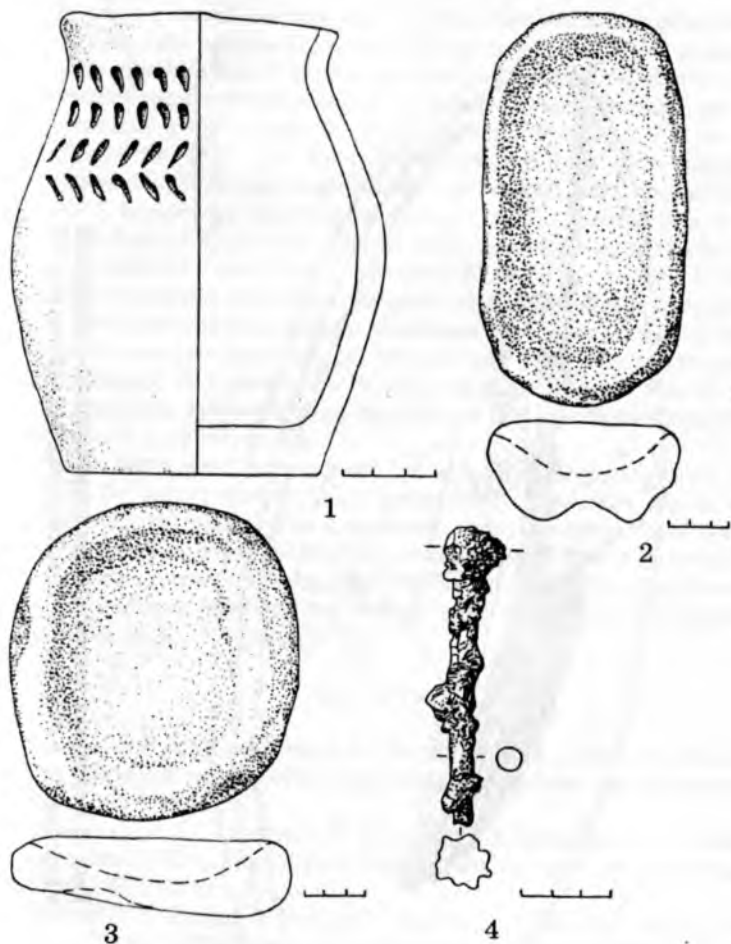

Рис. 2. Инвентарь могильника Михайловский VI.

1,3,4 — курган 6; 2 — курган 4.

1 — глина; 2,3 — камень; 4 — железо.

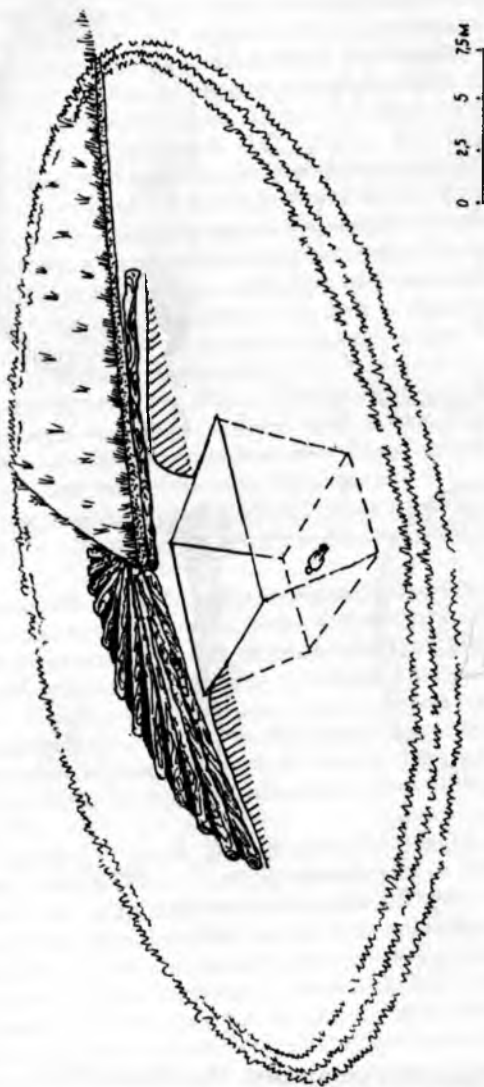

Рис. 3. Вероятная реконструкция погребального сооружения в кургане № 1 (могила № 1) могильника Михайловский VI.

наконечник из кургана 5. Практически полная его аналогия найдена на поселении Островное 3 и датирована она Г.Е. Ивановым VI–V вв. до н.э. (Иванов Г.Е., 1993, с. 57, рис. 19).

На связи с савроматским миром указывает золотая серьга, обложенная золотым листом из кургана 4. Подобные изделия нехарактерны для погребального инвентаря захоронений в Обь-Иртыше, а наибольшее распространение они получают в савроматских, раннепрохоровских и прохоровских могильниках, начиная с V в. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1975, рис. 46–1; Он же, 1964, с. 143). Юго-западное направление культурных взаимодействий показывает костылек из кургана 5. Подобные изделия распространены в памятниках Верхнего Приобья и Казахстана, прежде всего в могильниках скифского времени районов Семиречья (Кирышин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 119). Все остальные предметы, найденные в могильнике, датируются в более широких пределах, в основном V–III вв. до н.э. В свете всего вышеизложенного, мы склонны определять дату могильника Михайловский VI в рамках V–IV вв. до н.э., возможно, V в. до н.э. Так же датирует курган 1 этого памятника В.А. Могильников (Могильников В.А., 1997, с. 77).

Довольно трудно определить культурную принадлежность памятника. Он имеет некоторые отличия от могильников каменной культуры как по обряду, так и по инвентарю. Единственный сосуд, обнаруженный на этом памятнике, также не может дать определенную хронологическую привязку. В целом, довольно близки Михайловским курганы раннего железного века Северного Казахстана (Хабдулина М.К., 1994, с. 19–26).

Литература

1. Булдашев В.А., Ковригин А.А., Корякова Л.Н., Косинцев П.А. и др. Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Екатеринбург, 1997. 182 с.
2. Гаврилук А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 53–66.
3. Генинг В.Ф. Большие курганы лесостепного Притоболья (IV–II вв. до н.э.) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 72–101.
4. Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56–62.
5. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.

6. Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 110–136.
7. Ковпаненко Г.Т. «Червона могила» у с. Флярковка // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 107–113, с. 112–113.
8. Корякова Л.Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры (статистическая характеристика) // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 134–151.
9. Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск, 1993. 176 с.
10. Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994. 152 с.
11. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
12. Ольховский В.С. Первый Разменный курган у станицы Костромской // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 1995. С. 85–98.
13. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. 200 с.
14. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 380 с.
15. Телегин А.Н. Аварийные раскопки курганной группы Ключи III // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 103–106.
16. Телегин А.Н. Некоторые итоги второго года раскопок курганной группы Ключи 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 138–141.
17. Телегин А.Н. Раскопки третьего кургана курганной группы Ключи 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 140–142.
18. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алма-Аты, 1994. 170 с.
19. Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 60–68.
20. Шамшин А.Б., Язовская А.Н. Могильник раннего железного века Нижний Кучук I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. С. 153–157.
21. Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. 180 с.